

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Научная статья

УДК 81

DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_9

История лингвистики: мейнстрим и маргиналы

В. М. Алпатов

Институт языкознания Российской академии наук, Москва, Россия

v-alpatov@ivran.ru

Аннотация. В истории развития любой науки, в том числе языкознания, различные школы и направления одновременно сосуществуют, но историографы обычно выделяют среди них преобладающие по специфике рассмотрения научного объекта. Автор демонстрирует «развитие лингвистики по спирали», выявляет причины смены научных направлений и подходов к изучению языка. Как показано в статье, в ходе развития науки направления, доминирующие в лингвистике на определенном этапе, и направления, считающиеся маргинальными, нередко меняются местами.

Ключевые слова: история языкознания, историзм, структурализм, функционализм, конкуренция направлений, становление парадигм

Для цитирования: Алпатов В. М. История лингвистики: мейнстрим и маргиналы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2 (870). С. 9–14. DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_9

Original article

History of Linguistics: Mainstream and Marginals

Vladimir M. Alpatov

Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

v-alpatov@ivran.ru

Abstract. In the history of the development of any science, including linguistics, different schools and directions simultaneously coexist, but historiographers usually distinguish among them the prevailing ones according to the specifics of the consideration of a scientific object. The author demonstrates “the development of linguistics in a spiral”, identifies the reasons for the change of scientific directions and approaches to language learning. As shown in the article, in the history of linguistics, trends of research dominating at a certain period and those considered marginal often change place.

Keywords: history of linguistics, historicism, structuralism, functionalism, competition of directions, formation of paradigms

For citation: Alpatov, V. M. (2023). History of linguistics: mainstream and marginals. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(870), 9–14. 10.52070/2542-2197_2023_2_870_9

ВВЕДЕНИЕ

Начиная, по крайней мере, с первой трети XIX века, можно говорить о мировой науке о языке. Как, видимо, в любой науке в тот или иной момент времени, в ней всегда сосуществовали разные школы и направления, однако при рассмотрении ее истории обычно указывают на преобладающий в данную эпоху подход к научному объекту. Другие подходы обычно, хотя не всегда, порождают меньшее количество публикаций, занимают маргинальное положение. Впрочем, бывают случаи, когда наибольший резонанс получают направления, которые не были в момент становления многочисленными, но за ними было будущее (вспомним Ф. де Соссюра). Соотношение между мейнстримом и маргинальными направлениями бывает различным и часто меняется.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА В XVIII ВЕКА

В XVIII веке один из французских теоретиков – Н. Бозе делил философскую сторону теории языка на три части (именно в таком порядке) – происхождение языка, многообразие языков, анализ и сравнение языков [Пастернак, 2011, с. 205]. Описанием выделенных аспектов занимались в разной степени и другие мыслители этого круга. Но в центре повышенного внимания, как никогда ни до того, ни после того, находилась проблема происхождения языка. Она, правда, часто решалась на основе того, что предлагали еще в античности, но принадлежность темы к наиболее обсуждаемым была несомненна. Актуализировалась проблема движения от «первобытных» языков к современным языкам, а также «различия между языком до всемирного потопа и после него» [Пастернак, 2011, с. 15] (значительный материал по французским сочинениям этого периода см. в диссертации: [Пастернак, 2011]). Об этом размышлял Э.-Б. де Кондильяк, и его рассуждения, разумеется, могли быть только априорными. Однако развивавшаяся в XVIII веке интеллектуальная традиция, строившая непроверяемые гипотезы о происхождении языка и его древнейшем развитии, была значимой до второй половины XIX столетия. Потом же изучение многообразия языков и различий между ними осталось в числе центральных проблем языкознания, а происхождение языка стало маргинальной темой. В последние десятилетия интерес к этой теме несколько вырос, но в мейнстрим она вряд ли входит.

ИДЕИ ИСТОРИЗМА В ЛИНГВИСТИКЕ

Само по себе внимание к происхождению языка, еще не отмечавшееся в картезианских грамматиках

XVII века, уже свидетельствовало о формировании идеи историзма в отношении языка и отходе от чистой синхронии грамматики Пор-Рояля. Именно здесь, пусть еще в полном отрыве от конкретного языкового материала, готовился исторический подход к языку, ставший господствовавшим в течение XIX века.

Это господство не означало полного отказа от того, что было центральным ранее. Иногда маргиналы просто следуют прежней, в том числе когда-то господствовавшей традиции, преодоленной большинством. Грамматика Пор-Рояля (1660) была популярна еще в течение столетия. Ее статус «общей и рациональной грамматики» сохранился до второй половины XIX века, но тогда уже считался безнадежно устаревшим из-за «антиисторизма». И Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» (1877) иронизировал над своим оппонентом Е. Дюрингом, «никогда ничего не слышавшим об историческом языкознании, которое получило в последние 60 лет такое мощное и плодотворное развитие» [Энгельс, 1961, с.333].

На протяжении XIX века проблематика науки о языке была разнообразна: реконструкции прарформ, анализ памятников письменности, происхождение языка, выявление связей языка с «духом» и «психическим складом» народа, связи между языком и историей. Периодом особенно значительного расширения лингвистикой своего объекта была первая половина XIX века (от В. фон Гумбольдта и Ф. Боппа до А. Шлейхера). На первый план выходило то одно, то другое. Университетские и академические ученые избегали только описаний современных языков, лишенных экскурсов в историю.

Переход к историзму надо было теоретически осмыслить. В течение XIX века здесь сложились, по крайней мере, три направления. Одно из них было еще в первой трети века создано В. фон Гумбольдтом и продолжало затем существовать. Но при этом имя В. фон Гумбольдта одновременно оказалось известным и неизвестным. С одной стороны, он всегда признается классиком науки о языке, отдельные его высказывания часто цитируются, существует канонический набор его текстов. С другой стороны, основная часть его обширного наследия до сих пор остается невостребованной; его исследовательская парадигма оставалась во многом забытой [Лобанова, 2022]. У ученого были последователи, но всё же направление никогда не было массовым.

К середине века появилось натуралистическое направление (А. Шлейхер, М. Мюллер), целиком основанное на историзме. Оно было популярным в 1850–1860-х годах, но когда в 1922 году, т. е. уже в структуралистский период, во Франции появилась последняя работа в духе натурализма,

она уже воспринималась как анахронизм. Идеи натуралистического языкознания отвергли еще младограмматики из-за их априорности и недоказуемости.

Младограмматизм стал магистральным направлением лингвистики в 1870–1910-е годы. Он основывался на приоритете исторического подхода. Младограмматики полагали: «Как только исследователь переступает за пределы простой констатации единичных фактов, как только он делает попытку усвоить связь между явлениями и понять их, так сразу же начинается область истории» [Пауль, 1960, с. 43].

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ФОНЕТИКА vs ФОНОЛОГИЯ

Для младограмматиков был важен не только историзм – иногда он мог даже отходить на задний план. Экспериментальная фонетика, синхронная по определению, возникла как раз в эпоху младограмматизма и развивалась усилиями ученых данной ориентации. Тогда автор энциклопедической статьи писал: «Акустико-физиологическая Ф. [фонетика. – В. А.] является необходимым фундаментом исторической и сравнительной Ф., без которого последняя неизбежно должна ограничиться чисто описательным отношением к своему предмету и отказаться от всяких попыток объяснения тех звуковых изменений или «переходов», которые происходят в человеческих языках» [Буллич, 1902, с. 240]. То есть, безусловно, был признан приоритет фонетики, основанной на эксперименте с использованием приборов.

Далее, в структурный период, экспериментальная фонетика стала во многом маргинальной дисциплиной: «передовые» ученые того времени предпочитали «бумажную» фонологию. Для автора российской книги об истории фонологии ведущий британский фонетист Д. Джоунз «не был фонологом» [Реформатский, 1970, с. 40], поскольку понимал фонему как класс близких по качеству звуков, выделяемый вне каких-либо функций языка.

Для выработки функциональных критериев выделения звуковых признаков, важных для носителя языка, была нужна фонология, которая создала соответствующую теорию и в эпоху структурализма, с 1920-х годов, вырвалась вперед, вытеснив фонетику, которая, разумеется, продолжая развиваться, отошла на периферию науки о языке.

Упорядочением легче было заниматься «бумажным» специалистам, которые могли и не владеть методикой фонетического эксперимента, зато хорошо знали теорию языка. Почти в это же

время и переход к синхронии после Ф. де Соссюра также давал возможность успешно заниматься лингвистикой, не владея изощренной компаративной методикой, постепенно становившейся маргинальной. В книге [Реформатский, 1970] в центре внимания лишь история фонологии начиная с И. А. Бодуэна де Куртенэ, а об истории экспериментальной фонетики говорится только вскользь. Установился взгляд, согласно которому фонетика занимается речью, фонология языком, а после Ф. де Соссюра всё, связанное с речью, казалось маргинальным. Структуралистов интересовали, в первую очередь, не свойства элементов, а отношения между ними. Роль фонологии в мировой структурной лингвистике до 1950-х годов включительно была очень значительной. В разных странах сложились оригинальные научные направления: дескриптивизм в США, Пражская, Московская, Ленинградская школы. Для всех их именно фонология стала полигоном для выработки структурных методов, прежде всего, из-за своей сравнительной простоты и обозримости. Главные научные понятия (вариант – инвариант, оппозиция, нейтрализация оппозиции и др.) формулировались первоначально для фонологии, а затем переносились на другие уровни языка. Фонология находила и практическое применение: создание алфавитов.

С точки зрения структуралистов, фонология была неким островом благополучия в лингвистике, где уже достигнут уровень точности, который будет вскоре общим для всей науки. Известный математик В. А. Успенский пишет о 1950-х годах: «Лингвисты неоднократно говорили мне, что есть одна область лингвистики, настолько передовая, что в ней всё уточнено и чуть ли не аксиоматизировано. Это фонология» [Успенский, 2013, с. 77]. Однако во второй половине двадцатого века ситуация в мировой лингвистике вновь изменилась: роль фонологии стала уменьшаться, что ярко проявилось в американском генеративизме, обратившемся к синтаксису. Но и специалисты, далекие от идей Н. Хомского, также в своем большинстве обратились к иным сюжетам. Исследуются более высокие уровни языка, а фонология теряет роль кузницы лингвистических методов, фонологический редукционизм остается в прошлом. Это вовсе не означало ослабления интереса к звуковой стороне языка, но теперь в центре внимания оказались реальные процессы.

ДИСКУССИИ ВОКРУГ СТРУКТУРАЛИЗМА

Новые научные акценты коснулись не только изучения звуковой стороны языка. Сам младограмматизм с 1920-х годов, продолжая, конечно, существовать, перестал определять развитие науки. В. А.

Звегинцев, читая лекции по истории языкознания в 60-е годы на отделении структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ, доходя до рассказа о младограмматизме, показывал пальцем в окно на здание, где помещалась основная часть факультета, говорил: «Вот там он и сейчас господствует». Младограмматический подход, строго исторический и позитивистский, тогда оставался, да и сейчас остается, основой работ исторического и сравнительно-исторического характера, но сами эти области языкознания к середине XX века стали в известной степени маргинальными. Массовые представления о деятельности лингвистов как, прежде всего, исследователей древностей, сохранялись, но приоритеты у самих лингвистов менялись. Примечательно, что передовой ученый начала XIX века В. фон Гумбольдт стал одним из создателей системы классического образования, а передовой ученый начала XX века И. А. Бодуэн де Куртенэ боролся с этой системой, настаивая на преподавании вместо латыни современных языков.

Разумеется, ученые старой школы исходили из других принципов. У них был аргумент в свою пользу: они привыкли самостоятельно собирать фактический материал. Поэтому они (А. И. Томсон, Г. А. Ильинский и др.) обвиняли структуралистов (включая Н. С. Трубецкого) в «слабосилии», «игре-рассуждениях без истории»: «Что это все означает? Искание новых путей? Которые, однако, заведомо избегают углубления. По-моему, лишь одно: слабосилие. Не могут больше преодолевать подготовительной работы по изучению накопившихся данных по истории языков, особенно по сравнительному языковедению... Очевидно, силы истощены. Вместо изучения реальных фактов – высокопарное беззастенчивое переливание из пустого в порожнее» [Цит. по: Робинсон, 2004, с.175]. Не принимали новую парадигму К. Фосслер и его школа, неогумбольдтианцы. В СССР оппозиция структурализму была особенно заметна: В. Н. Волошинов, В. И. Абаев, Л. П. Якубинский и на иных основаниях Н. Я. Марр. Л. П. Якубинский в статье 1932 г. писал, что нет никакой другой лингвистики, кроме исторической [Якубинский, 2001]. Однако в СССР, как и в ряде других стран, например в США, изучение современных языков занимало всё большее место.

Но и в отношении современных языков не все проблемы входили в мейнстрим. Его границы во многом были определены Ф. де Соссюром, который разграничением языка и речи одновременно и расширил, и сузил круг первоочередных задач лингвистики. Первое шло за счет «реабилитации» и выдвижения на передний план лингвистики, не занимающейся языковой историей. Он говорил: «Лингвистика уделяла слишком большое место

истории; теперь ей предстоит вернуться к статической точке зрения традиционной грамматики» [Соссюр, 1977, с. 115–116]. «Ясно, что синхронический аспект превалирует над диахроническим, так как для говорящих только он – подлинная и единственная реальность. Это же верно и для лингвиста: если он примет диахроническую перспективу, то увидит отнюдь не язык, а только ряд видоизменяющих его событий» [там же, с. 123]. Но по другому противопоставлению происходит сужение языковедческой проблематики. Главное – изучать язык (*langue*). «Что касается прочих элементов речевой деятельности, то наука о языке вполне может обойтись без них» [там же, с. 53].

Ш. Балли, близко связанному с Соссюром, принадлежит формулировка, может быть, наиболее четко выражающая суть подхода швейцарского ученого и его последователей. В книге 1913 года он писал: чтобы у исследователя «появился некоторый шанс уловить реальное состояние языковой системы», «он не должен иметь ни малейшего представления о прошлом этого языка, он должен полностью игнорировать связь языка с культурой и обществом, в котором этот язык функционирует, чтобы все внимание исследователя было сосредоточено на взаимодействии языковых символов» [Балли, 2003, с. 39]. Таков был идеал структурализма.

Деление на магистральные и маргинальные направления не совпадало с противопоставлением новаторов и традиционалистов. Вышеупомянутое развитие фонологии (как и вообще всё то, что Ф. де Соссюр отнес к сфере языка) было магистральным направлением, но некоторые новаторские идеи в 20–30-е годы выглядели маргинальными. Примером может служить изданная в 1928 году книга В. Н. Волошинова «Марксизм и философия языка». А. А. Реформатский говорил В. Д. Дувакину: «Книжка Волошинова... Ну, в то время она нас мало затронула, потому что явно в ней так отчетливо сквозило фосслерианское так называемое направление. А это нам было чуждо». Реформатским и его друзьями-фонологами книга причислялась к «литературному языковедению», их же интересовал «язык сам по себе»¹. Книгу надолго забыли, а открыли ее за рубежом раньше, чем в СССР, во многом благодаря Р. Якобсону.

В СССР к 1960-м годам центральное место (не количественно, но идейно) занимала структурная лингвистика; идеи о развитии точных методов в изучении языка широко распространились. И появление статьи о «дегуманизации» языкознания [Абаев, 1965] вызвало целую бурю. Сомнения в применимости структурных методов к изучению

¹ URL: <http://oralhistory.ru/talks/orh-347>

семантики и во всеильности математических моделей для языка были сторонниками структуриализма объявлены «мракобесием» [Кузнецов, 1966]. В организованной тогда в «Вопросах языкознания» дискуссии Абаева не поддержал никто.

Изданная еще в 1928 году книга В. Н. Волошинова сейчас активно изучается и переводится во многих странах. Не столь знаменита статья В. И. Абаева, идеи которой когда-то воспринимавшиеся как крайне отсталые, теперь выглядят как предвосхищавшие современные подходы функционализма. Активно развивается на новой, компьютерной основе экспериментальная фонетика, а маргинальной, скорее, выглядит классическая фонология времен Н. С. Трубецкого. И даже грамматику «Пор-Рояля» стали высоко оценивать с середины XX века, в частности, в связи с деятельностью Н. Хомского. Наука развивается по спирали!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Идеи, маргинальные для мировой науки, могут быть центральными для отдельных стран. Яркий

пример – «новое учение» Н. Я. Марра, которое в нашей стране увлекало многих. А после 1950 года на несколько лет центральное место заняло «традиционное» сравнительно-историческое языкознание, чего не было в других странах; к концу десятилетия приоритеты изменились в сторону сближения с западной наукой. Менее известный пример: центральное место в японской науке о языке с 1950-х годов заняла школа «языкового существования», основатель которой М. Токиэда строил теорию в полемике с Ф. де Соссюром. Она значительно отличалась от структуриализма самим объектом исследования: изучали употребление человеком языка в тех или иных жизненных ситуациях; структура языка предполагалась известной, но рассматривалось его функционирование. Это предвосхищало то, чем у нас и на Западе значительно позже стала заниматься функциональная лингвистика.

Известный образ развития по спирали, как мы видели на разных примерах, хорошо применим к истории лингвистики. И процесс, видимо, бесконечен.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пастернак Е. Л. Формирование основных направлений французской лингвистической мысли XVIII века: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Москва, 2011.
2. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 39 т. М.: Издательство политической литературы, 1961. Т. 20.
3. Лобанова Л. П. Философия языка В. фон Гумбольдта в зеркале «дискурса забвения» // Вильгельм фон Гумбольдт. Основные черты всеобщего типа языка. Избранные переводы. М.: URSS Ленанд, 2022. С. 7–63.
4. Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Издательство иностранной литературы, 1960.
5. Булич С. К. Фонетика // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб.: Типография акционерного общества Брокгауз – Ефрон, 1902. Том 71. С. 240–249.
6. Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М.: Наука, 1970.
7. Успенский В. А. Труды по нематематике: в 5 кн. М.: ОГИ, 2013. Кн. 3. Языкознание.
8. Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М.: Индрик, 2004.
9. Якубинский Л. П. Против «даниловщины» // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. М.: Academia, 2001. С. 134–155.
10. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.
11. Балли Ш. Язык и жизнь. М.: URSS, 2003.
12. Абаев В. И. Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке // Вопросы языкознания. 1965. №3. С. 22–43.
13. Кузнецов П. С. Еще о гуманизме и гуманизации // Вопросы языкознания. 1966. №4. С. 62–74.

REFERENCES

1. Pasternak, E. L. (2011). Formirovanie osnovnykh napravlenij francuzskoj lingvisticheskoy mysli XVIII veka = Formation of the main directions of French linguistic thought of the 18th century: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
2. Engel's, F. (1961). Anti-Dyuring = Anti-During. In: Marks, K., Engel's, F. Sochineniya = Works (vol. 20): in 39 vols. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. (In Russ.)
3. Lobanova, L. P. (2022). Filosofiya yazyka V. fon Gumbol'dta v zerkale «diskursa zabveniya» = V. von Humboldt's philosophy of language in the mirror of the discourse of oblivion. In: Vil'gel'm fon Gumbol'dt. Osnovnye cherty vseobshchego tipa yazyka. Izbrannye perevody, 7–63. Moscow: URSS. (In Russ.)

4. Paul', G. (1960). Principy istorii yazyka = Principles of language history. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury. (In Russ.)
5. Bulich, S.K. (1902). Fonetika = Phonetics. In: Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona (vol. 71, pp. 240–249): in 86 vols. St. Petersburg: Tipografiya akcionernogo obshchestva Brokgauz–Efron. (In Russ.)
6. Reformatskij, A. A. (1970). Iz istorii otechestvennoj fonologii = From the history of Russian phonology. Moscow: Nauka. (In Russ.)
7. Uspenskij, V. A. (2013). Trudy po nematematike = Works on non-mathematics (vol 3. Linguistics): in 5 vols. Moscow: OGI. (In Russ.)
8. Robinson, M. A. (2004). Sud'by akademicheskoy elity: otechestvennoe slavyanovedenie (1917 – nachalo 1930-h godov) = The fate of the academic elite: Domestic Slavic studies (1917 – early 1930s). Moscow: Indrik. (In Russ.)
9. Yakubinskij, L. P. (2001). Protiv "danilovshchiny" = Against "danilovshchina". Sumerki lingvistiki. Iz istorii otechestvennogo yazykoznanija (pp. 134–155). Moscow: Academia. (In Russ.)
10. Sossyur, F. de (1977). Trudy po yazykoznaniju = Works on linguistics. Moscow: Progress. (In Russ.)
11. Balli, Sh. (2003). Language (thinking) and the life: due and real (reflections on Sh. Bally's book "language and life"). Moscow: URSS. (In Russ.)
12. Abaev, V.I. (1965). Lingvisticheskij modernizm kak degumanizaciya nauki o yazyke = Linguistic modernism as a dehumanization of the science of language. Voprosy Jazykoznanija, 3, 22–43. (In Russ.)
13. Kuznecov, P. S. (1966). Eshche o gumanizme i gumanizacii = More about humanism and humanization. Voprosy Jazykoznanija, 4, 62–74. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алпатов Владимир Михайлович

доктор филологических наук, академик РАН

заведующий Отделом языков Восточной и Юго-Восточной Азии

руководитель Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alpatov Vladimir Mikhailovich

Doctor of Philology (Dr. habil.), Full Member of the Russian Academy of Sciences

Head of the Department of Languages of East and Southeast Asia

Head of the Research Center on Ethnic and Language Relations

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

22.12.2022
18.01.2023
30.01.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication